

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Лига
ПРАВОСУДИЯ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов
Лига правосудия

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Лига правосудия / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-75407-6

Провинциальный городок Фомичевск облетела страшная весть: в выгребной яме на одном из земельных участков рабочие обнаружили два обезображенных трупа – мужчины и женщины. Эксперты установили, что несчастных покалечили и бросили в яму живьем. Местная полиция немедленно начала расследование, но сколько-нибудь существенных результатов не достигла. Тогда за дело взялся столичный сыщик Лев Гуров. Уже через несколько дней он обнаружил зацепку, которая привела его в соседний поселок, к сгоревшему дому, в котором еще недавно располагался притон, и не просто притон – а настоящий бордель для педофилов...

ISBN 978-5-699-75407-6

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Николай Леонов, Алексей Макеев

Лига правосудия

© Леонова О.М., 2014

© Макеев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Ломать, как известно, – не строить! Это легко. А вот аккуратно разобрать что-нибудь на составляющие – намного труднее. Именно этим сейчас и занимались три таджика в садовом товариществе «Дружба», что находился неподалеку от райцентра Фомичевск в Московской области. Все они приехали в Россию относительно недавно, профессий не имели, русского языка не знали, вот хозяин и использовал их на таких грязных и тяжелых работах, но они и этому были рады – дома же семьи остались, как бы они выжили без тех денег, что они туда посылали? А хозяин у них был замечательный! Хоть и молодой, и очень строгий, но справедливый! Крышу над головой дал, спецовки дал, кормил, платил честно, а, главное, работали они на него совершенно законно, с регистрацией и разрешением. А еще хозяин таджикский язык знал! Пусть не очень правильно говорил, с ошибками, но кто они такие, чтобы смеяться над хозяином? Его слушаться надо!

В этот раз он приказал аккуратно разобрать три дачных домика, три туалета, а еще спилить и выкорчевать деревья и кустарники на участках, потому что там потом стройка должна была начаться. Привезли бытовку с буржуйкой – хоть и апрель на дворе, но холодно, особенно по сравнению с родными местами, запас продуктов, инструменты, и таджики начали работать. Два деревянных домика и два таких же туалета они уже разобрали, все аккуратно сложили, чтобы машина потом могла забрать, – у хозяина ничего зря не пропадало, все в дело шло, а вот теперь стояли и не знали, как и подступиться – третий домик с туалетом были кирпичные. И тогда решили для начала, чтобы наловчиться, разобрать туалет. Сняли дверь, разобрали все внутри, двое, те, кто посильнее, встав на лестницы, стали снимать крышу, а самый младший, Навруз, собрался посмотреть, а что внизу – раз сам туалет такой основательный, может, и там разобрать придется? Он посветил фонариком вниз и увидел там такое, что заорал от ужаса во весь голос так, что остальные двое чуть с лестниц не упали. Они вытащили его наружу, хорошенько потрясли, чтобы привести в чувство, стали расспрашивать, но он вырвался и побежал в бытовку, где лежал мобильник – хозяин говорил, если вдруг что-то случится, нужно немедленно звонить ему.

– Хозяин! Это Навруз! Беда! Там в яме люди! Мертвые! Совсем-совсем мертвые! – трясущимися губами кричал парень.

– Ничего не трогайте, я сейчас приеду, – пообещал хозяин.

В ожидании его таджики, хоть и потрясенные страшной находкой, принялись спиливать деревья – работа не ждет, а деньги за нее они получают, только когда все закончат. Сторож этого садового товарищества, круглый год живший при нем, безропотно поднял шлагбаум и пропустил джип хозяина – ну, захотел тот узнать, как работа продвигается, что в этом особенного? Доехав до рабочих, хозяин выслушал Навруза, сам с фонариком сходил посмотреть на находку и призадумался. Воспользовавшись моментом, его охрана тоже полюбопытствовала, и один из них предложил:

– Шеф, нет проблем! Забросать землей, и все! Или пусть эти трое спустятся вниз, ломami выбьют изо льда трупы, а мы их куда-нибудь подальше отвезем.

– Нет проблем, говоришь? – мельком глянул на него хозяин. – А вот я опасаюсь, что могут быть. А они мне совсем ни к чему! Вызываем полицию!

Полицию пришлось ждать довольно долго, но вот она наконец приехала: эксперт, прокурор и майор-«следак», а следом за ними и заинтересовавшийся происходящим сторож прито-

пал со своими собаками. Выслушав все, что им рассказал хозяин, полицейские только что не взвыли. Рассмотрев в свете мощного фонаря то, что лежало на дне, эксперт уверенно заявил:

– Ну, эти субчики там не один год провалялись, это точно. Если только при них вдруг окажутся документы или еще что-то, способное идентифицировать их личности, у нас еще есть хоть какой-то шанс, если же ничего нет, то, пардон, голяк!

– Ну за что ж ты нас так? – чуть не со слезой в глазах сказал «следак» хозяину. – Что плохого мы тебе сделали? Это же стопроцентный висяк! Ну что тебе стоило сказать своим таджикам, чтобы они засыпали останки землей, и дело с концом?

– А я никогда раньше закон не нарушал и впредь не собираюсь, – спокойно объяснил тот. «Следак» на это только плюнул в сердцах и спросил:

– Кто нашел тела? Хотя... Какие уж тут тела?

– Мой рабочий Навруз, – начал объяснять хозяин. – Он не говорит по-русски, поэтому и позвонил мне. Я приехал сюда, чтобы проверить, не показалось ли это ему, а потом связался с вами. Если вы хотите у него что-то спросить, то я переведу.

– Давай! – обреченно бросил майор.

Хозяин подозвал Навруза и, когда тот подбежал, приказал:

– Расскажи, как было дело с самого начала.

Навруз говорил, хозяин переводил, а остальные слушали. Когда Навруз замолчал, эксперт почесал себе маковку и удивленно произнес:

– Послушайте, если здесь к железобетонной плите был прикреплен унитаз, а сзади него висел смывной бачок, у меня возникает естественный вопрос: как они туда попали? Не водой же их смыло!

– Да тут у Трофимыча... – начал было сторож, но «следак» цыкнул на него:

– Не лезь!

Сторож покорно замолчал, а эксперт со знанием дела предположил:

– Судя по тому, как капитально сделан этот туалет, его явно не собирались таскать с места на место. А это значит, что где-то здесь должно быть отверстие, через которое выкачивалось содержимое выгребной ямы.

Дело шло уже к вечеру, торчать здесь допоздна никто не хотел, так что на поиски указанного отверстия бросились все. Земля вокруг туалета была усыпана опавшей листвой, которую много лет не убирали, и она превратилась в корку, да еще и не успевшим растаять ледком прихваченную. С одной стороны, «следаку» повезло, потому что он первым нашел то, что искали все. А с другой стороны, крупно не повезло – он зацепился за что-то носком ботинка и рухнул на землю во весь рост, но при этом ногой подцепил пласт слежавшейся листвы, и все увидели самую обыкновенную крышку канализационного люка, запертую на замок, обернутый целлофаном, чтобы внутрь вода не попадала.

– Вот она самая и есть, – не выдержал сторож. – А в заборе тут специальная дверка имеется. Когда машина приезжала, он дверку эту отпирал, крышку поднимал, и яму очищали. Он и той своей последней осенью сюда ассенизаторов вызвал, и они все выкачали. Он это называл «законсервировать дачу на зиму».

– Ты что, раньше сказать не мог? – заорал на него «следак», одновременно очищая себя от грязи и потирая ушибленные места.

– Так вы же сами сказали: «Не лезь!» – напомнил сторож. – А то бы я вам сразу все показал.

– Про пальчики можете даже не заикаться, – сразу же заявил эксперт. – Но теперь хотя бы понятно, как их внутрь просунули.

– Интересно, живыми или уже нет? – спросил прокурор.

– Сделаю что смогу, – пожал плечами эксперт. – Но, судя по степени разложения тел, на многое не надейтесь. А вот замочек нам пригодится! Нам бы еще ключик от него!

– Ну, это уже по нашей части, – успокоил его майор. – Выясним, кому раньше дача принадлежала, а дальше – по схеме.

– Трофимычу принадлежала, – встрял сторож. – Обстоятельный был мужик и серьезный. Только как он десять лет назад зимой помер, так вдова его по весне дачу и продала – куда ей одной с таким хозяйством управиться.

– А кому продала?

Сторож благоразумно промолчал, а вот хозяин спокойно пояснил:

– Моему отцу. – Все разом замолчали и переглянулись между собой. – Но сюда за эти десять лет никто не ездил, для вложения средств купили, потому что земля в Подмоскovie со временем только дороже становится. Попутно сообщая, что два соседних участка, где уже все разобрано и спилено, тоже купил мой отец, а вот теперь нашелся покупатель сразу на все три и хочет выстроить себе здесь большой дом. По договору мы должны освободить землю от всех строений и насаждений, то есть подготовить нормальную строительную площадку, что мои рабочие и делают.

– Ладно, потом разберемся, – пообещал прокурор, но особого энтузиазма в его голосе не слышалось.

Тем временем, надев резиновые перчатки, эксперт достал инструменты и сначала очень аккуратно развернул целлофан, а потом взялся за замок, и тут оказалось, что тот просто сломан, а дужка вставлена в паз только для вида.

– Ой, как интересно! – воскликнул он. – А схему-то подправить придется! Как бы не оказалось, что хозяева здесь ни при чем. – Мельком взглянул на равнодушно наблюдавшего за всем хозяина и предложил: – Ну-с! Открывайте крышку, и давайте познакомимся с потерпевшими поближе.

Теперь в свете фонарей стало возможно получше разглядеть то, что осталось от двух людей.

– Эх они скукожились, да еще друг к другу прижались, точно их живыми сбросили! Ну и как их доставать? Они же смерзлись так, что в ледяную скульптуру превратились и вместе в люк не пройдут, – вздохнул «следак». – Стенки у выгребной ямы – два поставленных друг на друга бетонных кольца, дно небось тоже забетонировано, сверху железобетонная плита лежит, которую вместе с каменным сортиром с места сдвинуть невозможно. Здесь лестница нужна, чтобы спуститься вниз, их разделить и по одному вытаскивать.

– А на дне лед, и их оттуда вырубать придется, – поддержал его прокурор.

– Это уже ваша забота, – отмахнулся эксперт. – Скажу одно: если в процессе транспортировки вы им ручки-ножки поломаете, то им от этого хуже не станет, а мне – не помешает.

Все переглянулись – перспектива лезть туда, махать ломом, благо они имелись в наличии у таджиков, паковать в мешки останки, и все это, стоя на пусть и замерзших, но экскрементах, никого не грела. Первым не выдержал прокурор и обратился к хозяину:

– Слушай! Ну будь ты человеком! Пусть твои работяги туда спустятся и все сделают, а мы им сверху посветим!

– А почему они должны это делать? – удивился тот.

– Да потому, что им такая работа привычнее, – подключился «следак». – Я так понял, что два сортира они здесь уже разобрали, так это будет третий.

– Доски разобрали, а ямы просто засыпали землей, – поправил его хозяин. – И к органам правопорядка они никакого отношения не имеют, так что в их обязанности это не входит.

– Хорошо, мы им заплатим, – скрепя сердце предложил майор. – По сотне на нос хватит?

– А вы за такие деньги согласились бы на эту работу? – вопросом на вопрос спросил хозяин.

«Следак» открыл было рот, чтобы выразиться по полной программе, но вовремя осекся и смолчал, а вот прокурор, который уже начал чувствительно подмерзать, просто спросил:

– Сколько?

– А это я сейчас у них выясню, – сказал хозяин.

Подозвав рабочих, он объяснил им, чего от них хотят и сколько они сами хотят за такую работу. Таджики недоуменно переглянулись, и один из них осторожно попросил:

– Хозяин, если вы нам разрешаете это сделать, то, может, и цену сами назначите, потому что мы не знаем, сколько это стоит.

Тот спокойно кивнул ему и, повернувшись к остальным, проговорил:

– По тысяче рублей на человека, и они согласны.

– А морда у них не треснет? – взорвался прокурор.

– Они что, совсем у тебя охренели? – поддержал его «следак».

– Тогда делайте все сами, – пожал плечами хозяин.

Переглянувшись, все дружно вздохнули и полезли за бумажниками. Хозяин забрал деньги и кивнул рабочим. Те мигом принесли лестницу, спустились вниз, начали ломками обкалывать останки, потом лопатами подбивать их снизу и, наконец, разделили две фигуры.

– С головами поосторожнее, чтобы можно было внешность по черепам реконструировать! – крикнул рабочим эксперт, и те от неожиданности замерли, не понимая, чего от них хотят.

– Что вы людей пугаете? – недовольно произнес хозяин и перевел все рабочим.

Эксперт же, подумав, стал осматриваться вокруг более внимательно и воскликнул:

– Интересно девки пляшут по четыре в ряд! А на калитке-то замочек целый!

– Рабочие начали разбирать с ближней к лесу дачи, вот им и не пришлось ничего открывать – они просто забор сняли, – объяснил хозяин.

– Ясненько, тогда полюбопытствуем, что у нас с другим замочком, – продолжал криминалист. – Ведь чтобы при закрытой калитке до люка добраться, нужно было дверку в заборе открыть. Ну и что у нас здесь интересного?

Он присел перед висевшим с внутренней стороны забора тоже завернутым в целлофан замком, и, оказалось, что тот был сломан, а потом для маскировки снова завернут.

– Неглупо придумано. И на участок никому заходить не пришлось. Подъехали, замочки сломали, свое черное дело сделали и были таковы, – подытожил эксперт.

Но вот все было закончено, останки в более-менее целом виде погрузили в мешки и подняли наверх. Полицейские уехали, а хозяин раздал рабочим деньги, пообещал, что завтра придет машина, заберет то, что осталось от уже разобранных строений, и привезет запас продуктов и новые перчатки.

То, что понедельник – день тяжелый, знают все, но чтобы пятница! Да еще и не тринадцатое число! Нет, такого в практике полковников-важняков Льва Ивановича Гурова и Станислава Васильевича Крячко еще не было! А началось все очень буднично. Едва они вошли утром в свой кабинет и скинули куртки, как тут же звоночек и прозвенел. И вид он имел самый невинный – ну, что может быть странного в вызове к начальнику их управления генерал-майору Петру Николаевичу Орлову? Хотя на самом деле он был им больше друг, чем начальник, да и то сказать: сколько лет вместе проработали, сколько дел вместе раскрыли, сколько раз спину друг другу прикрывали и в прямом, и в переносном смысле.

Орлов встретил их так радушно, словно они десять лет не виделись, а это значило, что ему очень неудобно – ну, правильно! Нагружать своих давних друзей новым серьезным делом (а пустяками они не занимались) накануне законных выходных по меньшей мере некрасиво.

– Ну, ладно, – сказал Гуров, занимая свое привычное место на подоконнике. – Считай, что мы в должной мере оценили твои смущение и раскаянье, и излагай, что стряслось.

– А что у нас могло произойти? Только новое дело.

– Понятно, что не на чай с пряниками ты нас позвал, – влез Стас. – Новое так новое, чего глаза прятать?

– Да понимаете, уж больно оно грязное, – поморщился Орлов.

– Петр, если это опять кто-то из власть предержащих жидко обделался, а нам надо за ними дерьмо подчистить, то ты не по адресу – мы такими делами больше заниматься не будем! – жестко заявил Лев. – Сыты уже по горло!

– Да нет! Дерьмо вам подчищать не придется, а вот повозиться в нем... – вздохнул Петр.

– А можно яснее? – насторожился Крячко.

– Понимаете, в выгребной яме в одном из садовых товариществ Подмосковья нашли останки двух человек.

– Свят-свят-свят! – пробормотал Стас. – И что? Никого, кроме нас, не нашлось?

– Да районники там ковыряются по мере сил и способностей, но вы же не хуже меня знаете, какие у них эти самые силы и способности. Вот и попросили прислать в помощь опытных сотрудников, а вы оба сейчас как раз ничем не заняты, – виновато произнес Орлов.

– Говорил я тебе, Лева, что дело надо было сдавать не вчера, а сегодня! Причем поближе к концу дня! – вздохнул Крячко. – Только когда же ты меня слушал? А ведь я в житейском смысле тебе сто очков вперед дам и обгону!

– Стас! Обещаю, что впредь буду слушаться тебя, как родную маму, – клятвенно пообещал в ответ Гуров. – Куда ехать, Петр?

– В Фомичевск, там вас уже ждут, – пояснил тот.

– До понедельника никак?

Скорчив самую покаянную физиономию, на какую только был способен, Орлов вздохнул и развел руками. Артист он, кстати, был никакой, а вот Крячко на его месте сейчас бы целое представление выдал. Стас же, поднявшись, только сказал:

– Как говорят наши клиенты: «Раньше сядешь – раньше выйдешь!» Поехали, Лева!

Фомичевский район находился на самом востоке Московской области, причем сам район стоял довольно далеко от федеральных трасс, так что добираться им пришлось довольно долго. Не зная, как развернутся события, друзья решили отправиться на двух машинах – вдруг по разным местам разъезжаться придется? В Фомичевском райуправлении их уже действительно ждали. Стас тут же ввинтился в совершенно незнакомый ему коллектив, как шуруп в мягкую древесину.

– Креста на вас нет, мужики! – сказал он, входя в кабинет начальника. – Сорвать людей прямо под выходные! Нет вам прощения! Чем вино искупать будете?

Начальник, мужчина лет сорока пяти в звании майора, такую форму общения тут же принял и покаянно проговорил:

– Так повинную голову и меч не сечет! А скатерть-самобранку мы уже накрыли! В соседнем кабинете вас дожидается. Там со всеми остальными и познакомитесь!

Гуров такие неформальные отношения с незнакомыми людьми очень не любил, но с годами смягчился, поняв, что своей замораживающей собеседника вежливостью чувство любви и готовности к сотрудничеству явно не вызывает. Вот и на этот раз предпочел временно отойти на задний план, предоставив Крячко возможность исполнить партию первой скрипки. Но его благим намерениям не суждено было осуществиться, потому что стоило ему представиться, как майор тут же подтянулся и официально представился сам:

– Начальник Фомичевского районного управления полиции майор Косарев Андрей Федорович. Добро пожаловать, товарищ полковник! Это очень большая честь для нас, что вы согласились помочь нам в расследовании.

– Эх, Лев Иванович! – притворно вздохнул Крячко. – Какую песню испортил! Посидели бы сейчас, поговорили по душам, а теперь тебе все будут честь отдавать и рапортовать, каждое слово десять раз наперед взвешивая. – Представившись, он поинтересовался: – Вас что же, не предупредили, кто придет?

– Нет, сказали только, что два полковника с Петровки, – ответил майор.

– Вот она, обратная сторона славы! – опять вздохнул Стас. – Но кормить-то будут? А то проголодались мы в дороге.

– Да-да, конечно! – засуетился Косарев. – Прошу вас!

В соседней комнате стол был действительно уже накрыт и, судя по интенсивному движению воздуха за спиной Гурова, стоявший позади него майор отчаянно жестикулировал, показывая, что нужно убрать со стола коньяк и водку.

– Бросьте, Андрей Федорович! Сами мы не кусаемся, а ябедничать не умели даже в детском саду, – успокоил его Лев.

Ответом ему был вздох величайшего облегчения. Представив гостей и хозяев друг другу, Косарев сказал:

– Предлагаю сначала поесть, а то подробности этого дела до того неприятные, что как бы аппетит не отбили.

Поскольку это был действительно просто обед, а не застолье со спиртным, то управились они довольно быстро и, вернувшись в кабинет Косарева, перешли к делу.

– Давайте мы для начала с документами ознакомимся, а уже потом будем детали уточнять, – предложил Лев.

Он и Стас, передавая друг другу бумаги, прочли их все, да и было-то их не великое множество, и Гуров предложил:

– Давайте начнем с экспертизы.

– Ничем особым я вас не порадую, – ответил эксперт. – Пальчиков, как я и предполагал, никаких. Замки сломаны во времена незапамятные. Трупов было два: мужской и женский. Приблизительный возраст мужчины – от сорока до пятидесяти лет, женщины – от двадцати до тридцати. Женщина – крашеная блондинка, мужчина когда-то был шатеном, а потом не только поседел, но и основательно облысел. Об особых приметах ничего сказать не могу – не было возможности что-либо определить. По прижизненным травмам: оба были жесточайшим образом избиты – переломы ребер, фаланг пальцев, выбитые зубы и так далее. Короче, покуражились над ними от души, а более подробный перечень вы найдете в заключении. У мужчины – старые переломы обеих рук. Список предметов, найденных на трупах, находится в деле, а они сами – в вещдоках. Но ничего особенного: часы мужские и женские, золотые, правда, но без выпендрежа. Золотые серьги вот довольно необычные, старые, колечки – ширпотреб, браслетик с брюликами, причем один камешек выпал... Давно выпал, – подчеркнул он. – То есть на ограбление это никак не тянет. Ну, и последнее – оба были сброшены в яму живыми.

– Время смерти установить удалось? – поинтересовался Крячко.

– В наших условиях не представляется возможным, как и реконструировать внешность по черепам.

– Ну, этим в Москве займутся, – заметил Гуров. – Что по месту обнаружения останков?

Выслушав эпопею с выгребной ямой, он поинтересовался:

– Значит, с таджиками толком никто не говорил? Все со слов этого... – Лев заглянул в бумаги, – Сидоркина Михаила Ильича?

– А зачем ему нам врать? – удивился «следак», которого звали Алексей Алексеевич Фомин. – Мог бы сказать своим работягам, они мигом закопали бы яму, и дело с концом. Да и где нам переводчика здесь взять?

– Ну, это дело поправимое – из Москвы пригласим, – пообещал Гуров.

– А Сидоркин откуда таджикский знает? – удивился Стас.

– Специально выучил – у него же почти одни таджики работают, надо же ему с ними как-то объясняться, – ответил Косарев. – Причем все по закону: с регистрацией, разрешением и так далее.

– А как местные относятся к тому, что у них работу из-под носа уводят? Неужели стычек не бывает? – спросил Лев.

– Да наши на такую работу даже от великой нужды не пойдут! На пособие будут жить! Вещи продавать! Бутылки собирать! Но на нее не согласятся! Великорусская гордость! – хмыкнул прокурор.

– Не понял! Да чем он, в конце концов, занимается? – воскликнул Стас.

– Сам Михаил – директор ООО «Чистота», кстати, на дочери нашего мэра женат. А вот папаша его, Илья Егорович, который все и создал, владелец этой фирмы по вывозу и утилизации всяческих бытовых отходов, – объяснил Косарев.

– Тут наша местная специфика свою роль сыграла, – добавил прокурор. – Фомичевск – город старый, практически весь – частный сектор, сиречь сортиры во дворах. Мусор раньше прямо на улицу выбрасывали, да и помои выплескивали. Представляете себе, что было? Зимой еще туда-сюда, а летом – вонь такая, что не продохнуть, мухи навозные, зараза всякая. Вот на этом Егорыч и поднялся. Не сразу, конечно, постепенно, но зато сейчас у него, считай, весь район в руках. Представьте себе, что будет, если он прикажет неделю мусор из города не вывозить? Да мы в нем утонем! И не только наш район – он уже давно и в соседних своих филиалы открыл. А теперь вот еще и землей занялся – скупает участки и у дачников, и по деревням, а потом перепродает не без выгоды.

– Ничего особо криминального я в этом не вижу, – пожал плечами Гуров. – Обычная в наше время предпринимательская деятельность. Но поговорить с ним, конечно, надо будет.

– Предупреждаю сразу: он мужик непростой. Ему уже почти восемьдесят, но как был крут характером, так и остался, – заметил прокурор.

– Ну тогда я с ним побеседую, – предложил Стас. – Думаю, мы найдем общий язык.

– Да ты с самим чертом договоришься, – усмехнулся Лев. – А тем временем я с сыном пообщаюсь. Со сторожем товарищества говорили?

– Да, он все, что мог, уже сказал, – отмахнулся «следак».

– Значит, и с ним я встречусь, – попытокнул Гуров. – Дальше. По личностям потерпевших. Не думаю, что их в ту яму издалека привезли. Отправная точка у нас есть – осенью 2003-го в яме ничего не было, ее заперли на замок, и все! А это значит, что нужно будет поднять все заявления о пропаже людей за десять лет, причем не только по вашему району, но и по близлежащим.

– Но не до сегодняшнего же дня! – воскликнул «следак». – Судя по тому, как они разложились, они там не вчера появились!

– Начните с того времени, что я указал, а там видно будет. И участковых настропалите, чтобы с людьми поговорили – вдруг кто-то пропал, а заявление подать было некому? Ну, нет родственников у человека, а с соседями не дружил?

– Но мы можем это сделать только по своему району, а в соседних нас просто пошлют – им своих дел хватает, – мрачно сказал Косарев.

– Не беспокойтесь! Я сейчас позвоню генерал-майору Орлову, он и по области команду даст, и с лабораторией договорится, чтобы там быстренько нам внешность погибших воссоздали, да и по времени смерти более точно определились, – пообещал Гуров. – А вы пока адрес старшего Сидоркина Станиславу Васильевичу дайте, чтобы он, не откладывая в долгий ящик, мог с ним поговорить, а ко мне на беседу младшего пригласите. Ну, приступим, благословясь!

Пока Гуров докладывал Орлову последние новости и договаривался о внеурочной работе лаборатории и командировании в Фомичевск переводчика с таджикского, Крячко уже уехал к Сидоркину-старшему.

– Н-да! Хоромы! – пробормотал себе под нос Стас, стоя перед основательными железными воротами огромного двухэтажного особняка за оградой такой высоты, что только крыша над ней и виднелась. – Интересно, из чего дом выстроен? Неужели из пустых стеклянных или пластиковых бутылок? А что? Очень подходящий способ утилизации отходов. На Западе, говорят, в моде.

– Мы на Запад не равняемся, русские мы, – вдруг раздался из динамика неприветливый мужской голос. – Чего надо?

Мысленно чертыхнувшись и помянув недобрым словом свою извечную привычку язвить дело – не в дело, Крячко объяснил, кто он и по какому вопросу, и получил в ответ:

– Ждите! Сейчас доложу!

Стас стоял перед дверью в стене и ждал. Прошло пять минут, десять, а он все стоял, как попрошайка в ожидании милостыньки, и уже начал не на шутку заводиться, как вдруг дверь открылась. У приготовившего очередную колкость Крячко язык мигом присох к нёбу – его встретил такой амбал, выше него на две головы и вдвое шире, что желание качать права мгновенно пропало, этот громила мог его смять, как бумажный стаканчик. Даже не потрудившись извиниться или как-то объяснить свое поведение, тот бесцеремонно и очень профессионально обыскал Крячко и решительно заявил:

– С оружием не пуцу!

– Что ж, я его должен тебе отдать? – не смог сдержаться Стас.

– Зачем? В машине оставь. Пока она возле этого дома стоит, к ней никто даже близко не подойдет, – невозмутимо объяснил громила.

Крячко ничего не оставалось, как положить пистолет в бардачок и поставить машину на сигнализацию. Конечно, можно было плюнуть, развернуться, а потом вызвать старика в райуправление, но эта малодушная мысль даже не пришла ему в голову. Ведь это значило бы двумя руками расписаться в том, что он утратил былые навыки и вышел в тираж, раз не смог договориться не то что с чертом, как всегда утверждал Гуров, и даже не со стариком с крутым характером, а просто с его охранником. Как показало дальнейшее, на этом его мучения не закончились. Под бдительным присмотром охранника Стас прошел на застекленную веранду, где в кресле сидел и курил хоть и старый, но еще полный сил настоящий русский мужик: высокий, крепкий, как дуб, жилистый, с простым открытым лицом, но вот только взгляд у него был совсем непростой. Ох и непростой!

– Ну, здравствуй, полковник, – с усмешкой сказал он. – За бутылками ко мне? Так, извини, ничем не помогу. У меня таджики мусор разбирают и сортируют, а потом все в утиль идет: стекло отдельно, пластик отдельно, алюминий отдельно, бумага отдельно и так далее.

Крячко не был бы самим собой, если бы не сумел в этой неприятной ситуации приземлиться, как кошка на четыре лапы, – он в ответ просто рассмеялся:

– Язва ты, Егорыч! Ну, сморозил я глупость, а ты уже и рад меня мордой по столу поводить! Или у тебя других развлечений нет?

– Вон они, мои развлечения, – кивнул в сторону сада старик. – С ними ни цирка, ни кино, ни телевизора не надо – каждый день что-нибудь новенькое!

Стас оглянулся и увидел в саду детей самого разного возраста, но понять, сколько их всего, не смог, потому что они гонялись друг за другом так, что в глазах рябило, а уж визжали просто от души. На скамейке сидела молодая женщина и качала коляску с малышом, но вот она поднялась, вынула его из коляски, взяла на руки пошла в дом, только вот походка у нее была странная, да и обувь необычная. На то, чтобы увидеть и проанализировать все это, у Стаса ушло всего несколько секунд, и он, повернувшись к старику, сказал:

– Егорыч! Да сколько же их там? Я сосчитать не смог!

– Шестеро, – усмехнулся тот и уточнил: – Пока шестеро.

– Ну, ты дед-герой! – восхитился Крячко.

– Не подлизывайся! Садись и говори, зачем пришел, – велел старик.

Крячко присел к столу напротив него и объяснил:

– Да все по поводу тех трупов, что в выгребной яме нашли. Ваши тут завязли в этом деле, как мухи в варенье, вот нас с коллегой сюда из Москвы и прислали, чтобы помочь.

– Знаю, сын рассказывал, – кивнул Сидоркин. – Только если тебе какие-то документы нужны, то они в конторе. Съезди туда, я его сейчас предупрежу, и он тебе все покажет.

– Да с ним сейчас уже, наверное, мой коллега разговаривает, – отмахнулся Стас.

– Зачем же ты сюда пришел? – не столько насторожился, сколько удивился старик.

– Не обижайся, Егорыч, но мне просто интересно стало. Одно дело там банки, пирамиды, торговля, строительство и все прочее – это понятно. Но вот чтобы на мусоре и, прости, дерьме так подняться, этого я понять не могу, – честно сказал Стас.

– Полковник! Люди могут ходить в рубище, спать на земле и жрать всякую гадость. Но если будут жрать, то они будут и гадить! И чтобы они во всем этом не утонули, должен быть человек, который все это убирает, – просто объяснил Сидоркин.

Крячко задумчиво посмотрел на него, а потом с грустью в голосе произнес:

– Егорыч! Твой громила может мне хоть все кости переломать, но я все равно не поверю, что такой человек, как ты, сознательно выбрал себе именно такое призвание в жизни. Эту философию ты уже потом себе в утешение придумал, – и он тяжело вздохнул.

– А ты не дурак, – усмехнулся Сидоркин, помолчал немного и добавил: – Не было у меня другого выхода.

– Сидел, – понятиливо кивнул головой Крячко.

– Да! Отец на фронте погиб, мать из последних сил выбивалась, чтобы мы не голодали, а я на улице рос. Шпана переулочная. Вот в драке двух парней и подрезал серьезно. Мне шестнадцать было, когда сел, а вышел – уже за двадцать пять перевалило. Мать в старуху дряхлую превратилась, а меня никуда на работу не брали. Как жить? Вот и пошел туда, куда взяли. Мужики тогда в цене были – война же столько их выкосила, только порядочная за меня все равно не пошла бы. Вот и сошлись мы с Наташкой. Она хоть и не гулящая была, но с прошлым, так что в таком маленьком городе, как наш, ей тоже особо не на что было рассчитывать. Да и хозяйка в дом нужна была, потому что мать уже совсем ни с чем не справлялась. Но я Наташке сразу условие поставил: если родит, тогда и поженимся. Так она мне трех парней подряд зарядила, – невесело усмехнулся он.

– погоди, Егорыч! Так эти внуки у тебя от всех вместе? А я-то думал, что от Михаила только, – удивился Крячко.

– От него, – глядя в сторону, подтвердил Сидоркин.

– Слушай, я смотрю, тебе неприятно все это вспоминать, так, может, и не надо, – предложил Стас – ох какой же лисой, каким дипломатом он мог быть, если хотел!

– А чего ж не поговорить-то с хорошим человеком? – очнулся от своих мыслей старик и позвал: – Настя!

На его зов появилась женщина средних лет, по виду явно прислуга, и он приказал:

– Собери нам чего-нибудь!

Женщина кивнула и ушла, а Сидоркин продолжил:

– Ну, уж после такого-то я на ней, конечно, женился! И женой она оказалась хорошей, и хозяйкой замечательной, и за матерью моей, как за родной, ходила – ее-то померла, когда она еще девчонкой была. Может, оттого, что только с отцом жила, и пошла у нее в молодости жизнь набекрень. Я ломил, как каторжный, жена в столовой работала, так что сыты мы были, но ведь три парня – это не один. Ничего, все сдюжили. Выбрались мы из нищеты. Достаток в доме появился. Одно только меня волновало – что детей моих из-за моей работы дразнят.

– И они тебя стали стыдиться, – добавил Стас.

Старик вздрогнул, как от пощечины, и гневно уставился на Крячко, а тот в ответ на это только криво усмехнулся:

– Не дергайся, Егорыч! Когда при Горбачеве, а потом при Ельцине милицию дерьмом из шланга поливали, я все это прошел от и до! Так что понимаю тебя как никто! Все на своей шкуре испытал!

– Значит, действительно поймешь, – тихо проговорил старик. – И вот тогда я поклялся, что костями лягу, но дети мои никогда такой работой заниматься не будут. Все образование получают, чего бы мне это ни стоило. Мы с женой копейчку к копейчке складывали, чтобы им жить, ни в чем не нуждаясь. И ведь всех в Москву в институты отправили, и деньги им туда постоянно посылали. И тут!.. – Сидоркин неожиданно расхохотался.

– Ты чего? – удивился Крячко.

Вернувшаяся с подносом женщина быстро накрыла на стол и снова ушла.

– А вот за это надо выпить! – продолжал улыбаться старик.

– Да за что? – недоумевал Стас.

– Вот выпьем, и скажу! – загадочно пообещал Сидоркин.

Они выпили, закусили, и Крячко, не выдержав, попросил:

– Ну, не томи!

– Мне уже почти пятьдесят было, Наташка немного моложе, и тут вдруг она приходит ко мне, растерянная, глаза с пятак, и говорит: «Илюшка! А ведь я беременная! Что делать будем?» Я так и сел! Что уж у нее до меня было, я никогда не спрашивал, но при мне на аборт она никогда не бегала, потому что дети – это святое, их Бог дает. Родившиеся, неродившиеся, а все равно они уже живые, и убивать их грех! Да их даже обижать нельзя. Остановились мы на трех парнях, и все, а уж что она там делала – это ее женские штучки. А тут, видать, решила, что уже можно ничего не бояться, вот и попалась! Ох, как она дочку хотела! В церковь ходила, Богородице молилась, чтобы девочку ей послала, а родился Мишка! Поскребыш наш! Как же она его баловала! С рук не спускала! Я уж с ней матерно лялся – забалует ведь парня!

– Ну, младшие дети всегда самые любимые, – со знанием дела заметил Стас.

– А он у нас оказался единственным, – медленно произнес Сидоркин.

– Егорыч! Да понял я уже, что со старшими у вас беда приключилась, – сочувственно произнес Крячко. – Ты не рассказывай, если больно вспоминать!

– Да нет, полковник! Все уже отболело! – Старик налил себе рюмку и махом выпил. – Нет, они живы и здоровы, – и, подумав, добавил: – Наверное. Просто для нас они умерли. Все! Предали они нас! Сами-то мы в Москву не ездили, а вот они к нам постоянно навевались за деньгами, за продуктами. А нам ведь для них, родных, разве чего жалко было? Берите! Для вас же живем!

Сидоркин уставился в окно и надолго замолчал, молчал и Крячко, боясь потревожить явно расстроившегося старика, но тот вдруг очнулся, выпил водки и неожиданно сказал:

– А ведь думал, что уже отболело. В общем, в тот день – до конца жизни его не забуду – я от совершенно посторонних людей узнал, что старший-то наш, оказывается, давно женился. А нас не то что на свадьбу не пригласил, а даже не сообщил об этом, да и с девушкой своей не знакомил. А дело было так: Наташка прихворнула, и врач сказал, что лекарство это можно только в Москве купить. Позвонил я старшему на ту квартиру, что он на мои деньги снимал, хотел попросить, чтобы он матери лекарство привез. А мне там голос чужой отвечает, что такой здесь уже давно не живет, потому что женился и перебрался к жене. Я сначала подумал, что номером ошибся, переспросил – нет, все верно. А ведь деньги-то у меня на квартиру он по-прежнему брал. Ну, тут я и попросил, чтобы мне его новый номер дали. А меня там допрашивать начали, кто, мол, я такой. Ну, я и ответил, что отец. Баба какая-то тут на меня как напустится: что вы мне голову морочите? Его родители давно умерли! У него, кроме братьев, никого нет! И трубку бросила.

– Погоди, Егорыч! Так ты что же, ему до этого никогда раньше не звонил? – удивился Стас.

– Нет, они сами всегда нас на переговоры вызывали – телефона у нас тогда не было, – тихо ответил старик. – Да и когда мне звонить, если я без выходных и проходных от зари до зари, как лошадь, пахал! Да и Наташка тоже не разгибалась!

– И что ж ты тогда сделал? – осторожно спросил Крячко.

– А ничего! Сам съездил в Москву за лекарством. Потом эти предатели нас пытались на переговоры вызывать, но и я не ходил, и Наташке запретил. Так они сами заявили. Все трое. И рожи такие невинные – волновались они за нас, видишь ли! Видно, та баба не передала старшему, что я звонил. Ну, я их и встретил в дверях! И сказал, что отныне за деньгами и продуктами пусть идут на то кладбище, где они нас при жизни похоронили, а вот они сами для нас умерли! Навсегда! Так эти сволочи еще и оправдываться начали, объясняли, что сноха моя, видите ли, дочь доктора каких-то там наук, из интеллигентной семьи, и как бы я смотрелся на свадьбе с моими-то замашками. Короче, выгнал я их!

– И они больше не приезжали?

– Как бы не так! – нервно рассмеялся Сидоркин. – Когда страна к черту в зубы валиться начала и все эти науки никому на хрен стали не нужны, они обо мне очень быстро вспомнили. Только получили они от ворот поворот, и я им ясно сказал, что кормушка закрылась! Тем более что Мишка уже подрастать стал, вот уж кто был мне тогда настоящей опорой.

– А он как с братьями? – поинтересовался Стас.

– Ко мне-то они в 1998-м примчались, а вот к нему через десять лет, когда кризис грянул, пожаловали. Встречаться со мной они, само собой, не стали – знали же, что я своего решения не изменю, а вот на него понадеялись, да зря! Они к нему: мы, мол, братья родные, так помоги, а он в ответ: какие же мы родные? Вы своих родителей давным-давно умершими объявили, а мои живы-здоровы. Так и отправил восвояси! И больше они здесь не показывались!

– Да-а-а! Я смотрю, он характером в тебя пошел! Кремень! – помотал головой Крячко.

– Просто он очень хорошо помнит, с чего я начинал и через что нам с ним вместе пройти пришлось, пока у нас и дом этот появился, и все остальное, – веско сказал старик.

– Так как же ты поднялся-то? – напомнил Крячко.

– А как при Горбачеве кооперативы и все прочее появились, купил я списанную ассенизаторскую машину и стал на себя работать. Объявления от руки писал и на столбах да остановках расклеивал. Только днем я на ней ездил, а ночью – она на мне.

– Рухлядь! – понятливо покивал Стас.

– А кто бы мне новую машину продал? – усмехнулся Сидоркин. – Да и денег на нее у меня тогда не было. Приедешь вечером, поешь, покемаришь с часок и лезешь ее чинить. А Мишка рядом. Помогает. Он в инструментах научился разбираться раньше, чем читать. Поднакопил я денег и вторую машину купил, ничем не лучше первой, а что делать? Человека на нее нанял – одного из тех, с кем раньше работал. Страна-то враздрызг пошла, контора наша уже и концы с концами не сводила.

– Не думаю, чтобы он сильно тебя любил, – заметил Крячко. – Раньше-то вы на равных были, а тут ты вдруг хозяином заделался.

– Так ведь люди – чего с них возьмешь? Мишка после школы меня по дороге перехватит, в кабине рядом устроится и сидит счастливый, что с папкой едет. Ну, русские бабы сердобольные: кто ему яблоко, кто помидор, кто пирожок, кто огурец даст, вот он и хрумкает по дороге.

– Рэкетеры не беспокоили?

– Куда же без них? Приходили: делись, мол. Ну, я шланг-то в руки взял и сказал, что сейчас выброс включу и поделюсь с ними от души. Сбежали – кому же хочется душ из дерьма принять? Со следующими разговор был уже посерьезнее. Нож-то у меня всегда в сапоге был, а то мало ли что на дороге случиться может? Достал я его тогда, предъявил и спросил: знают ли они, что я сидел и за что. А они в ответ ржать начали – когда, мол, это было! И объяснил я им тогда внятно, что навыков старых не растерял, а девять лет тех лагерей сейчас на двадцать пять потянут. И школу я за то время там прошел такую, что им и не снилось! Так что попишу я их от души, они и моргнуть не успеют!

– Отстали? – поинтересовался Стас.

– Угу! Со временем, – ответил Сидоркин и, вытащив рубашку из брюк, показал свой живот.

– Ого! Два пулевых, одно ножевое! – присвистнул Крячко, увидев старые шрамы.

– И на спине еще имеются, – добавил старик. – Но это уже потом было. А тогда у меня вскорости тесть помер, я дом его продал и выкупил все, что в нашей конторе еще оставалось, а помещение в аренду взял. Стали мы машины там во дворе держать, а не по своим домам, ну, и дежурили по очереди, чтобы не сожгли их. И Мишка с нами.

– А что, пытались?

– И не раз! – кивнул Сидоркин. – А дракам я вообще счет потерял. Вот в одной из них Мишка и пострадал. Кинулся меня защищать, а его, как кутенка, мои же в сторону отшвырнули, чтобы под раздачу не попал. Да вот только упал он неудачно – руку сломал, а срослось что-то не так, вот она у него с тех пор в локте до конца и не разгибается.

– Ну, знаешь, Егорыч, для мужика это не самая большая беда, – успокоил его Стас. – Зато внуков-то он тебе сколько наплодил! Рано женился, наверное?

– Как только восемнадцать исполнилось – они с Надюшей в одном классе учились. Я, как услышал, на ком он жениться собрался, так и обомлел. Деньги у нас тогда уже водились, так что мог бы себе и получше девушку выбрать.

– Чем же тебе дочка мэра не понравилась? – удивился Крячко.

– Да мэром своего тестя уже Мишка сделал, а до этого он был обычный рядовой попи-хач! – отмахнулся Сидоркин. – Бумажки перекаладывал с одного угла стола на другой.

– Тогда это, наверное, из-за ее ноги? – предположил Стас. – Ты извини, но я заметил, что у нее с ней что-то не так.

– Да, хроменькая она – в детстве с качелей упала, – объяснил старик. – А Мишка мне на все это так сказал: «Мне с женой по жизни не вальс танцевать! Мне верная жена нужна, которая не предаст, не продаст и налево не пойдет! Такая, как наша мама! Мне крепкий тыл нужен, чтобы не думать, где твоя жена хвостом крутит, а делом спокойно заниматься!» И возразить мне на это было нечего! Мы с Натальей тоже не по большой любви женились, а жизнь душа в душу прожили. Надюшка-то его без памяти любит, а он ее очень уважает. А уж как балует! За каждого ребенка что-нибудь с бриллиантом обязательно подарит. Каждый год, да не по разу, на море отправляет, и к нам, и за границу.

– Как же она там одна с такой оравой управляется?

– Так не одна же ездит, а с помощниками. Одно плохо – видит Мишка детей по большей части, когда они уже спят или еще спят. На нем же одном сейчас все хозяйство держится, а оно все больше и больше становится. Но зато когда уж они до него дорвутся, то облепят, как обезьяны пальму, и никакими силами не оторвешь – сучают! Он над ними – как наседка над цыплятами, но держит в строгости, у него не забалуешь!

– Слушай, Егорыч, времена сейчас вроде бы спокойные, а у тебя в доме такая охрана. Зачем?

– Ну, ты спросил, полковник! – хмыкнул старик. – Если бизнес, как часы, налажен и хороший стабильный доход приносит, то всегда найдутся люди, которые захотят прибрать его к рукам.

– Значит, вас до сих пор в покое не оставили, – покрутил головой Крячко. – Ну а с таджиками ты придумал или сын?

– Мишка! Старая моя гвардия, с которой мы дело начинали, теперь вроде меня по домам отсиживается да возле печек кости греет – это те, кто живы, а многих уже и нет. А кто ей на смену придет? Все же хотят, ничего не делая, деньги получать и в белых рубашечках за столами сидеть. А таджики – народ непьющий, потому что вера не позволяет, приезжают сюда без семей, то есть никто им нервы мотать не будет, а, главное, они зарабатывать приехали,

чтобы своих родных там содержать! И пашут не хуже, чем я когда-то! За любую работу берутся, нос не воротят!

Тут на веранде появилась пожилая и очень полная женщина в халате. Постанывая и держа за обмотанную пуховым платком поясницу, она осторожно присела к столу и, кивнув на бутылку водки, укоризненно покачала головой:

– А ты не слишком увлекся, Илюша?

– Так мы же на двоих, – быстро сказал Крячко, хотя лично он выпил всего две рюмки.

– Тогда ладно. Ну, уложили мы всех! Насилу уgomонили!

– Ты чего это, мать, за хребтину держишься? – укоризненно спросил Сидоркин. – Опять детей на руках тягала? Тебе же ясно сказали, чтобы тяжести не поднимала!

– Да натерла меня уже Надюша! К утру здоровая буду! – отмахнулась она.

– И опять пойдешь в огород вверх задницей торчать, – проворчал старик. – Что, в доме твоими кабачками больше заняться некому? Сидела бы и руководила!

– Брось, Илюша! Сам знаешь, я никогда в жизни без дела не сидела, так чего же теперь начинать? – Женщина осторожно поднялась и со словами: – Ну, не буду вам мешать, – ушла с веранды.

– Золотая у тебя жена, Егорыч! – искренне сказал, глядя ей вслед, Стас. – Теперь таких больше не делают!

– Сам знаю, – довольным голосом ответил Сидоркин.

– Ну, засиделся я у тебя, пора и честь знать! – начал прощаться Крячко. – Но уж больно беседа у нас с тобой душевная получилась!

– Тогда на посошок, – предложил хозяин.

Они выпили, закусили, Крячко уже поднимался, как вдруг помотал головой и вздохнул:

– Старее я, Егорыч! Совсем забыл тебя спросить...

– Садись обратно, спрашивай, – предложил Сидоркин.

– Ты тот дом... Точнее, сортир, где трупы нашли, помнишь?

– Тьфу на тебя! – обозлился Сидоркин. – Не напоминал бы ты мне о нем!

– А что с ним не так? – удивился Крячко.

– Понимаешь, после двухтысячного, когда в стране все устаканилось и определенность появилась, Мишка предложил землей заняться. Средства же всякие для сортиров появились, люди машины все реже вызывать стали, хотя некоторые все же химии боятся и рисковать не хотят. Я подумал и согласился. А что? Деньги свободные были, вот и решили попробовать. Тут ведь какое дело: людям теперь шесть соток уже мало, им простор подавай, чтобы и бассейн, и газон, и все остальное. А деньги на это нужны серьезные. Ну, я не про совсем крутых говорю, которые деньги не считают, а про тех, кто хочет все это иметь, но обойтись...

– Малой кровью, – подсказал Стас.

– Вот именно! – согласился Сидоркин. – Тут главное – с местом не прогадать. Если это садовое товарищество, то участки должны быть обязательно с краю, а если деревня, нужно предварительно выяснить, что соседи думают, собираются ли продавать или уезжать, а то можно вложиться и застрять, как мы с этим домом.

– Ну, первый блин всегда комом, – утешил его Крячко.

– Какой первый? – возмутился старик. – Да мы до этого уже несколько таких больших участков продали! Я же всех председателей, что в садовых товариществах, что по деревням, лично знаю, а они редко меняются. Они же ведь как заявки соберут, так машину и вызывают, чтобы она пришла и за один раз несколько ям очистила. Так что не с бухты-барухты мы участки покупали, а только когда были в успехе уверены, потому что самую точную информацию имели – деньги нам, знаешь ли, не с неба падают!

– Так как же вы с этим домом вляпались?

– Сейчас объясню. Вот смотри, – старик начал водить пальцем по столу, – это слева – тот самый дом, справа от него – Тамарка, а ближе к лесу – Алла! И все! Дальше уже пустошь, а потом лес.

– То есть получают восемнадцать соток с самого края? А если, предположим, договориться с районной администрацией и прихватить часть пустоши, то и намного больше? – уточнил Стас.

– Вот именно! А вот отсюда до трассы всего пять километров, – продолжал чертить пальцем по столу старик.

– И проложить свою персональную дорогу, как нечего делать, – догадался Крячко.

– О чем и говорю! Трофимыча я лично знал – крепкий был хозяин, настоящий мужик, все на себе пер, вот и надорвался, а жена – так, цветочки разводила. Как только Трофимыч помер, мне председатель тут же позвонил, я со вдовой связался, стал интересоваться, не планирует ли она дачу продавать. Всю зиму она мне голову морочила, а сама, как я потом узнал, других покупателей туда возила хозяйство показывать. Только, видно, никто ей настоящую цену не предложил, вот она весной мне и продала!

– А ее соседки? – напомнил Стас.

– Из-за них-то все и встало! – зло произнес Сидоркин. – Обeim тогда уже под семьдесят было, одинокие, бездетные. Дружили они. По осени, как урожай соберут, начинают скулить, что сил у них больше нет, и все такое. Я им говорю: так продавайте! Они в один голос: мы подумаем! А по весне опять обе на участках торчат. Подъезжал я к ним и так, и эдак! Все без толку! Председатель их уговаривал!

– Не бескорыстно, я думаю, – заметил Стас.

– Так бесплатно только воробьи чирикают. Грех, правда, такое говорить, но как Тамарка инфаркт схватила, тут же поняла, что накрылась ее дачная жизнь медным тазом – а ну как ее там с сердцем прихватит? Кто чухнется? Даже если сама «Скорую» вызовет, когда она еще придет? Раньше помрешь двадцать раз! Тут уж она мне сама позвонила и без звука участок свой продала, а Алке там одной тоже делать нечего стало. Вот так они наконец ко мне и попали! Ну а покупателя на эти три участка уже Мишка нашел, так что по всем остальным вопросам – это к нему.

– В деньгах-то хоть не прогадал?

– Так земля за это время только подорожала, – отмахнулся Сидоркин. – Но когда Алла с Тамаркой начали мне нервы мотать и время тянуть, я Мишке твердо сказал, что больше и сам на такую авантюру не пойду, и пусть он этот урок на будущее накрепко усвоит: нет у тебя стопроцентной уверенности в успехе – не суйся!

– Ну, слава богу, что все, в конце концов, обошлось. А ключи-то от дома и всего остального тебе вдова отдала?

– Естественно! Все на одной связке: от калитки, дома, сарая, сортира, дверцы и люка. Они так вместе с договором в сейфе и лежали все эти годы. Это уж когда рабочие там все разбирать начали, им их и отдали.

– Комплект ключей был один?

– А зачем мне больше? – удивился Егорыч. – Мне и этот-то был нужен только для того, чтобы потом двери не ломать, а нормально открыть. А что?

– Да понимаешь, замки на дверце в заборе и люке были сломаны, – объяснил Стас.

– Ну, тут я тебе ничем не помогу, – развел руками Сидоркин. – Лично я там последний раз был еще при жизни Трофимыча, причем в прошлом веке, когда у него деревянная будка стояла. Основательный-то он позже поставил, как мне мужики рассказали – я же потом только наряды подписывал. Мишка туда вообще только с покупателем ездил – я ему еще объяснял, как добраться. А что, если у вдовы тоже были комплекты ключей, и она, зная, что дом пустует, кому-то их на время давала, чтобы люди там пожили?.. – задумался старик и тут же решительно

заявил: – Да нет! Председатель мне бы тут же позвонил! А зимой там сторож с собаками посторонних заметил бы! Да и дача летняя, печки нет, так что там только околеть можно от холода. В общем, так, полковник, что знал, я тебе все рассказал, а дальше уже твои полицейские дела, в которых я ни черта не понимаю!

Тепло попрощавшись со стариком и выпив последнюю рюмку на дорожку, Крячко поехал обратно в райуправление. Сидоркин произвел на него впечатление мощнейшее – просто мамонт какой-то, а не человек. За то, что хитрил с этим человеком, Стасу стыдно не было – работа такая, зато он теперь точно знал, как обстоят дела. Конечно, нужно будет еще поговорить с председателем садового товарищества, со сторожем, со вдовой Трофимыча, с Аллой и Тamarой, но интуиция подсказывала Крячко, что разногласия, может, и будут в отдельных деталях, но в целом рассказы совпадут.

А вот у Гурова дела обстояли не так хорошо. Михаила Ильича Сидоркина он принял в выделенном им со Стасом для работы кабинете, и ему сразу же не понравились два момента: во-первых, Михаил пришел в сапогах, спецовке, утепленной куртке и шапке, на которых (кроме сапог, конечно) была надпись «ООО «Чистота», а во-вторых, явился не один, а в сопровождении адвоката. Ну, за свой внешний вид он сразу же извинился, объяснив, что его вызвали прямо с работы, переодеться не успел, потому что заезжал в контору за документами, так что к этому придраться было нельзя. Но вот то, что он пришел с адвокатом, Гуров оставить без последствий не мог и заметил:

– Странно, Михаил Ильич, что вы пришли с такой мощной поддержкой. Или чувствуете себя в чем-то виноватым?

Но Сидоркин на этот демарш отреагировал совершенно спокойно:

– Господин полковник! Как я понял, вы меня сюда пригласили для того, чтобы я мог дать пояснения по поводу того, что было найдено на одном из садовых участков моими рабочими. Я привез договоры купли-продажи трех садовых участков с находящимися на них строениями моему отцу, а также договор на продажу объединенного участка третьему лицу. Юридическим сопровождением всех сделок занимается наш семейный адвокат, который сможет более квалифицированно, чем я, ответить на возникшие у вас вопросы. Или я ошибся, и вы пригласили меня сюда по другому поводу?

Гуров вынужден был проглотить эту произнесенную безукоризненно вежливым тоном отповедь, что любви ему к Сидоркину-младшему не прибавило.

– Нет, вы не ошиблись, меня действительно интересуют найденные тела, но никак не подробности юридического оформления документов. Так что господин адвокат может быть свободен.

– С вашего позволения, он останется, – тем же тоном произнес Михаил. – Мало ли какие вопросы могут возникнуть в процессе нашей беседы? Так что же вы хотели от меня узнать?

Лев не мог не отметить, что его противник, а рассматривал он сейчас Михаила именно в этом качестве, перехватил инициативу, но осаживать его не стал, а решил посмотреть, как он поведет себя дальше.

– Я прошу вас рассказать мне все о том случае, а также о доме, который был приобретен вашим отцом. Бывали ли вы там раньше, и если да, то с какой целью.

Сидоркин согласно кивнул и стал рассказывать. Ничего нового Гуров от него не услышал, а вот по поводу того, что Михаил там никогда раньше не был, он усомнился.

– Михаил Ильич, я вам не верю. Ну не может быть такого, чтобы за десять лет, что этот участок с дачей принадлежит вашему отцу, вы ни разу там не побывали.

– И тем не менее это так. Просто не возникало необходимости, а тратить время на бесперспективные разъезды по району при моей занятости я не могу себе позволить. Кроме того, в собственности моего отца находится довольно много земельных участков и объектов недвижимо-

сти. Если бы стал их все объезжать, то времени на основную работу осталось бы очень мало, что негативно сказалось бы на бизнесе.

Сидоркин говорил все это спокойным, ровным голосом, а его очень светлые серо-голубые глаза на бесстрастном лице напоминали две льдинки. А вот Гуров едва сдерживался – этот бесстрастный человек-робот бесил его своей невозмутимостью и непробиваемой вежливостью.

– Почему же бесцельные? – вскинул брови Лев. – Может быть, у вас как раз была определенная цель для поездки на ту дачу?

– Господин полковник, – тут подключился адвокат. – Вы хотите предъявить Михаилу Ильичу какое-то конкретное обвинение или эти рассуждения вслух имеют целью оказание психологического давления на господина Сидоркина?

Гуров внимательно посмотрел на него – ничего особенного! Средних лет, одет прилично, но не дорого, особой ухоженностью не отличается. Так, обычная канцелярская крыса, а вот поставил же его на место одной фразой. Настроение у Гурова испортилось окончательно.

– Мы будем прорабатывать все версии, – не предвещавшим ничего хорошего тоном заявил он. – И со всеми побеседуем, в том числе и с рабочими, которые нашли останки. А переводчик для этого приедет завтра из Москвы, так что в услугах господина Сидоркина необходимости не будет.

– Я могу спросить, где вы собираетесь беседовать с рабочими? – поинтересовался Михаил.

– А почему это вас волнует? – насторожился Гуров.

– Если вы повезете их сюда, то у них пропадет рабочий день, что скажется на их зарботке. Кроме того, я бы в этом случае направил туда для продолжения работы другую бригаду, а то вы ведь их и задержать можете – российская полиция такая непредсказуемая, – все тем же непробиваемо-спокойным тоном объяснил Михаил.

– Их привезут сюда, и я с ними побеседую. Если они ни в чем не виноваты, то никто их задерживать не собирается, – отрезал Гуров, чувствуя, что он, кажется, заигрался. Как показало будущее, он даже приблизительно не представлял себе насколько.

– Тогда не могли бы сказать, на чем их привезут? – продолжал любопытствовать Сидоркин.

– Полагаю, что в местной полиции для этого найдется машина. – Лев поднялся, давая понять, что разговор закончен.

Но вот Михаил и адвокат остались сидеть, показывая, что тема еще не исчерпана, и Гуров вынужден был снова сесть. Конечно, он мог бы жестко сказать: «Можете быть свободны!», но решил послушать, что эта парочка приготовила для него еще.

– Господин полковник! В местном управлении полиции всего три машины, – спокойно заговорил Михаил. – Это «Волга» господина Косарева и два «уазика» для перевозки задержанных с зарешеченными стеклами. Даже если бы господин Косарев был так любезен и представил для поездки свою машину, то она по той дороге сейчас просто не прошла бы. И он об этом знает. Значит, это будет один из «уазиков». Скажите, пожалуйста, вы считаете возможным перевозить трех ни в чем не виновных людей, к тому же не знающих русского языка, таким способом? За ними приезжает полиция, их запихивают в машину и везут в неизвестном направлении, потому что они просто не поймут ни слова из того, что будет им сказано. Это же станет для них страшным потрясением. Причем совершенно незаслуженным!

– Пусть русский учат, – буркнул Лев, хотя и понял, что Сидоркин абсолютно прав, а вот он этот момент недодумал, но злился он за это, естественно, не на себя, а на Михаила.

– Они выучат, – заверил его Сидоркин. – Они все его выучивают. Но речь идет о том, как поступить сейчас.

– Я смотрю, вы очень трепетно относитесь к своим рабочим, – съехидничал Лев, и ему самому стало от этого стыдно.

– Я пригласил их сюда на работу, и они честно работают, а я взамен защищаю их и их интересы, и ничего противозаконного в своих действиях не вижу, – ровным голосом сказал Михаил.

– Хорошо, что вы предлагаете? – вынужден был спросить Гуров.

– Мы ждем приезда из Москвы переводчика, после чего вместе с ним едем на моей машине на участок за рабочими. Я разговариваю с ними только по-русски, а он переводит – это на тот случай, если вы подозреваете меня в каких-то нехороших намерениях. Если возникнет необходимость, мы все вместе возвращаемся в Фомичевск, где вы с ними беседуете, но в присутствии моего адвоката. А это уже я боюсь на тот случай, если вы запугаете их настолько, что заставите возвести на меня поклеп. Как я понял, это входит в ваши планы.

– Что вы себе позволяете? – металлическим голосом произнес Гуров.

– Я просто вас очень внимательно слушал, – парировал Сидоркин. – У меня нет ни времени, ни возможности выяснять, как продвигается расследование, но сам факт того, что вы, едва приехав, уже начинаете выдвигать против меня обвинения, говорит сам за себя. – Он встал, а вслед за ним и адвокат. – Я не знаю, во сколько приедет переводчик из Москвы, но не думаю, что он доберется сюда раньше девяти часов утра. Так вот, в это время я уже буду здесь. Если же вы опасаетесь того, что я ночью отправлюсь к рабочим, чтобы дать им какие-то инструкции, можете поставить возле моего дома полицейский пост. Всего доброго.

Они вышли, а Гуров остался сидеть – его просто трясло от бешенства. Налив себе полный стакан воды из графина, он залпом его выпил и пошел к Косареву, где сидели также прокурор со «следаком».

– Нет, ну каков наглец! – сказал он, входя в кабинет. – Ведет себя так, словно он принц крови! Невозмутим, как айсберг! Аж холодом от него тянет! И адвокат ему под стать!

– Я так понял, Лев Иванович, что вы с ним поцапались? – осторожно спросил Андрей Федорович.

– Да скорее с бетонной плитой можно поцапаться, чем с ним! – буркнул Лев. – Интересно, он всегда такой спокойный или какие-то человеческие эмоции ему все же присущи?

– Если бы при той жизни, что он прожил, Михаил Ильич еще свои эмоции направо и налево расплескивал, то уже давно был бы в психушке. А он, как вы видите, солидным бизнесом руководит! – заметил прокурор и поднялся: – Пошли, Леша!

Он и «следак» вышли, а Лев повернулся к Косареву и удивленно проговорил:

– Андрей Федорович! А ведь они испугались!

– Просто они здесь живут всю жизнь и знают истинный расклад сил в районе, а вы здесь первый день и сразу же пошли в атаку с пластмассовой саблей на танки, – объяснил майор.

– Неаполитанская каморра курирует мусорный бизнес у себя, а у вас здесь на роль местного крестного отца Сидоркин-старший определен? – язвительно спросил Лев.

– Не стоит иронизировать, Лев Иванович. Илья Егорович очень уважаемый в нашем и не только нашем районе человек. Был у нас здесь директор детского дома из бывших военных, орденосец и все прочее, так вот он позволил себе очень неуважительно высказаться в адрес Ильи Егоровича, и только! А чем это для него закончилось? Нет, его никто не избивал, не угрожал его семье, но, в конце концов, он был вынужден отсюда уехать, – сказал Косарев и тут же сменил тему: – Мы для вас и Крячко номер в гостинице заказали. Предупреждаю сразу, что она так себе! Что вы хотите? Старый купеческий особняк: удобства в коридоре, душ на первом этаже, но буфет имеется. Вы уж там переночуйте, а я пока подумаю, к кому вас на постой определить.

– Знаете, если вы хотели меня запугать, то у вас это не получилось – я за свою жизнь всякого насмотрелся, – неприязненно заявил Гуров. – Судя по всему, мы с Крячко у вас тут надолго завязнем, так нам вещи кое-какие нужно из дома забрать. Когда ваш сотрудник черепа в Москву повезет?

– Завтра рано утром, а что?

– Пусть заедет на Петровку – сумки будут на проходной у дежурного стоять, – попросил Лев.

– Хорошо, я ему скажу, – кивнул Косарев. – Вас проводить до гостиницы или вы сами найдете?

– Сам найду, только объясните, где она, – неприязненно ответил Лев – в его глазах авторитет этого майора, испугавшегося какого-то помоечного короля, упал значительно ниже уровня канализации.

Гостиница оказалась рядом, двухместный номер выглядел таким обшарпанным, что Гуров, подумав, что им со Стасом предоставили самый лучший, ужаснулся – каковы же тогда остальные? Прошедший день приятных воспоминаний о себе не оставил, а необходимость ходить завтра в несвежей рубашке тоже не радовала. Узнав, что буфет работает до одиннадцати, Лев решил подождать Стаса, чтобы вместе поужинать, а заодно и новостями обменяться – уж Крячко-то его поймет! Он – не здешние пугливые мыши, которые даже имени кота боятся! А пока Лев позвонил жене и, объяснив, что застрял в области на неопределенное время, попросил собрать сумку и утром отвезти ее на Петровку к дежурному. Появившийся Стас с порога всплеснул руками и воскликнул:

– Лева! Тебя, как ребенка, даже на пять минут нельзя одного оставлять! Что ты здесь уже успел натворить? На Андрее аж лица нет!

– Просто пообщался с Сидоркиным-младшим, – буркнул Гуров.

– В свойственной тебе манере, – удрученно вздохнул Крячко. – Лева! Для тебя нажать врага проще, чем другому человеку плюнуть! Что вы с ним не поделили?

– Явился с адвокатом, весь из себя до того вежливый и корректный, что от него, как из морозильника, холодом тянет. А уж гонору! – раздраженно рассказывал Гуров. – Над таджиками своими трясется, словно они ему родные – не дай бог, кто-нибудь обидит! И при всем этом вел себя так, словно он хозяин положения, а я – погулять просто вышел! Интересно, папаша у него такой же?

Лев повернулся к Крячко и увидел, что тот смотрит на него грустными глазами и, самое странное, ничего при этом не изображая. Наконец Стас ответил, используя любимые выражения самого Гурова:

– Что выросло, то выросло! Будем терпеть! А Егорыч – классный мужик! Глыба! С самого низа наверх поднялся, и пережить ему при этом пришлось столько, что другому на три жизни хватило бы. И сын у него из того же теста замешан – тоже хлебнул горячего до слез. Я тебе свое мнение не навязываю – сам мальчик большенький, но ты не прав.

Не ожидавший такого, Гуров даже несколько растерялся, хотя виду и не подал, а предложил:

– Пошли поужинаем, пока буфет не закрылся. И жене позвони, чтобы сумку собрала и завтра утром на проходную отвезла – здешний сотрудник на обратном пути заберет.

– Уже – меня Андрей предупредил, – раздеваясь, сказал Стас. – А ужинать я не буду – у Сидоркиных поел.

Это был уже откровенный афронт. Выходя из номера, Лев повернулся к лежавшему лицом к стене Крячко и язвительно произнес:

– Между прочим, эта твоя глыба выжила из города директора детского дома, бывшего военного и орденоносца! Тот, видите ли, что-то нелестное в ее адрес сказал!

– Сходим, поговорим, разберемся, – пообещал, не поворачиваясь, Стас. – Когда вернешься, не шуми, пожалуйста.

Окончательно разозленный Лев вышел, а Крячко лежал и думал, что Лева становится совершенно невыносимым и чем дальше, тем больше неуправляемым. Но откуда в нем вдруг появилась эта злость? На них с Петром он пока не срывается, но, судя по всему, это дело

времени. Нет, ангелом он и раньше не был, но хоть мог держать себя в руках, а сейчас начал на людей бросаться. Он, конечно, сыщик от бога, но кто сказал, что даже таким все позволено? И, горестно вздохнув, Крячко уснул.

Вернувшийся из буфета Гуров сразу понял, что Стас действительно спит, а не притворяется. Он тихонько разделся и лег – кровать тут же предательски взвизгнула всеми своими старыми пружинами, и он замер, но Крячко продолжал спокойно сопеть, и Лев расслабился. Еда в буфете оказалась такой дрянной, что автоматически обеспечивала ему изжогу, так что нужно было срочно что-то придумать с готовкой, хоть те же обеды быстрого приготовления купить, потому что, судя по сегодняшнему разговору с Косаревым, на постой его в этом городе никто не возьмет.

Пробуждение было безрадостным. Погода испортилась, и накрапывал противный мелкий дождичек, туалет на этаже был до того обшарпанным, что заходить противно, а из лейки душа вода текла еле теплая и такой тонкой струйкой, что приходилось постоянно подлаживаться под нее то одним боком, то другим. К тому же завтрак в буфете ничем не отличался от ужина. Все это, естественно, ни бодрости духа придать, ни рабочего настроения создать Гурову не могло. А вот Крячко отнесся ко всему этому как к само собой разумеющемуся, и хотя, как обычно, не балагурил, но и недовольства не выказывал.

Направляясь к райуправлению полиции, они еще издали увидели, что рядом с ним стояли машины: кунг, «Ниссан» с московскими номерами, на котором, скорее всего, приехал переводчик, потрепанный четырехдверный джип с кузовом – явно рабочая лошадка Сидоркина-младшего, четырехдверная «Нива», а вот пятая... Пятая была с дипномерами.

– Кажется, именно это в народе называется триндец, – тихо произнес Крячко и, остановившись, повернулся к Гурову: – Лева, ты большой мастер рубить дрова. Причем так, что во все стороны летят не только щепки, но и поленья. И тебе уже давно глубоко плевать на то, что одно из них может кого-то очень чувствительно по маковке приложить. Я не знаю, что ты вчера натворил, но вот за это, – он глазами показал на машину с дипномерами, – отымеют в самой извращенной форме всех по нисходящей, а крайним будет Орлов. Ты бы его лучше просто пристрелил, чтобы не мучился. Гуманнее было бы!

Крячко пошел к машинам, а Гуров задержался, пытаясь сообразить, как поступить. То, что Косарев прогнется под Сидоркина, у него сомнений не вызывало, но присутствие представителя консульства или посольства на допросе иностранца согласовывается через МИД, а это значит, что у Михаила и там все схвачено. Да, кажется, он подставил не только себя, но и Петра по полной программе. Но отступать было поздно, и он решительно направился к машинам. А там Крячко, включив на полную мощь свое обаяние, уже пытался хоть как-то спасти ситуацию.

– Михаил Ильич, а ведь я вчера у вас дома был. С батюшкой вашим познакомился. Впечатление неизгладимое – мощнейший старик! Да его и стариком-то не назовешь! Любому молодому сто очков форы даст и обгонит! Матушка ваша, хоть я с ней и не разговаривал, но сразу ясно, что душевнейший человек! Ну а дети – просто восторг!

– Спасибо на добром слове, – спокойно отреагировал на этот всплеск эмоций Сидоркин. – Вы папе тоже понравились.

– А вот теперь я вам спасибо скажу, – очень серьезно заявил Стас. – Похвала такого человека, как он, дорогого стоит!

Гуров же, решив, что семь бед – один ответ, так благожелательно настроен не был и, подойдя, предложил:

– Ну, что? Выдвигаемся?

– Да! – сказал Михаил. – Надеюсь, вы не будете против, если при проведении вами следственных действий будет присутствовать представитель посольства Республики Таджикистан? – и сделал легкий поклон в сторону стоявшего рядом с ним хорошо одетого смуглого темноглазого мужчины. – С МИДОМ все согласовано.

– Я знаю законы и правила их применения, – сухо ответил Лев. – Но я не понимаю, почему такой, казалось бы, рядовой случай вызвал столь пристальный интерес посольства.

И услышал произнесенный на чистейшем русском языке ответ:

– К сожалению, не все люди в нашей стране могут найти достойную работу, чтобы содержать свои семьи. Они вынуждены уезжать на заработки за границу, в том числе и в Россию. Но большинство из них делает это нелегально, из-за чего их жизнь здесь складывается непросто. Тем больше мы ценим людей, которые официально приглашают на работу моих соотечественников, обеспечивая их не только жильем и работой, но и защитой. Мы давно сотрудничаем с господином Сидоркиным, убедились в его безукоризненной честности, и до вчерашнего дня ни у кого никогда не было ни малейшего повода усомниться в законопослушности как господина Сидоркина, так и работающих на его предприятии моих соотечественников. Вы стали первым. Мы очень дорожим сотрудничеством с господином Сидоркиным, которое планируем развивать и в дальнейшем, и нам стало очень интересно узнать, что же могло послужить причиной столь пристального интереса, – с нажимом произнес он, – правоохранительных органов к ООО «Чистота» и его сотрудникам как российского, так и иностранного гражданства. Мой ответ вас удовлетворил?

– Вполне, – кивнул Гуров, поняв, что урожай шишек будет богатейшим, как бы с головой не завалило.

– Тогда я предлагаю следующее, – начал Михаил. – В моем джипе поеду я, представитель посольства, переводчик и мой адвокат. Вы, господин Гуров, – на «Ниве», а поскольку дороги вы не знаете, то машину поведет мой охранник. Ну а кунг предназначен для рабочих. Возражений нет?

– А я тоже с вами поеду, – предложил Крячко. – Со сторожем-то никто толком не говорил! Пока вы будете своими делами заниматься, я с ним и побеседую, чего время терять?

Все согласились, расселись по машинам и поехали. Неизвестно, о чем шла речь в джипе, а вот в «Ниве» царило гробовое молчание. Крячко судорожно искал выход из положения, чтобы как-то выгородить Орлова. Гуров же, понимая, что не просто заигрался, а по-крупному зарвался, занимался самобичеванием, и спасти его могло только одно – очень быстро найти преступников, а в том, что их будет несколько, он не сомневался – одному человеку совершить такое было бы не под силу.

Увидев такую кавалькаду, сторож даже несколько растерялся, но шлагбаум поднял. Воспользовавшись остановкой, Стас вышел из машины, а остальные поехали дальше. Подойдя к сторожу, Крячко предъявил удостоверение и предложил:

– Поговорить бы нам, отец!

– Ну, пойдем в мой вагончик, сынок! Не лето еще! – рассмеялся сторож. – Только я ведь, пожалуй, ненамного тебя старше.

– Брось! – удивился Стас. – Борода-то совсем седая!

– Так она зимой очень хорошо греет, вот и отпускаю, а по весне сбрею, – объяснил тот.

Они вошли в вагончик, и, пока сторож, как он выразился, взбадривал чай, Крячко огляделся. В этом, казалось бы, небольшом помещении было все необходимое: диван, над которым на старомодном плюшевом ковре висела двустволка, холодильник, с телевизором на нем, печка-буржуйка, столик, а над ним полка с посудой, шкаф, служивший, вероятно, для всего сразу, а в углу валялся старый матрац.

– Для собак, – мельком глянув на Крячко, объяснил сторож. – Так-то у них будка снаружи стоит, а уж если совсем мороз, я их внутрь запускаю.

– Чего ж ты себе другую работу не нашел? – удивился Стас.

– Была работа, – вздохнул тот. – Только жену мою она раньше срока на тот свет забрала, а меня инвалидом сделала.

– Вредное производство, – догадался Крячко.

– Оно самое. Мы с ней оба с деревни, думали, там и денег побольше платят, и на пенсию пораньше выйдем. Вернемся с ней в деревню, домик купим и заживем на славу. А получилось так, что до пенсии она не дожила, а я вот до инвалидной докатился. Квартиру двухкомнатную, что мы от завода получили, я дочке оставил – она мужа привела, двое детишек у них, а тут я со своими болячками. В деревню ехать? Ну какой из меня сейчас работник? Вот и дал я объявление, что ищу работу сторожа при дачном кооперативе. Так здесь и оказался!

– Знаешь, а на инвалида ты не похож, – возразил Стас.

– Да как врачи на меня рукой махнули, понял я, что самому спастись надо. Накупил книжек умных про травы, стал их собирать – лес-то тут недалеко, заваривал, пил, вот и дотелепал до своих лет.

– И давно ты здесь? – поинтересовался Стас.

– Да уж скоро пятнадцать лет будет.

– Летом тут, конечно, раздолье, а зимой? – Крячко прихлебнул душистый чай и спросил: – На травах небось?

– Без них не живу, – подтвердил сторож. – А что зимой? Снег-то сейчас поздно ложится, так я на своей развалюшке до станции доехать могу – магазинчик там есть, сберкасса, чтобы пенсию снять, аптека опять же. Запасусь всем, чем надо, и живу припеваючи, сам себе хозяин – тут же с конца октября до апреля ни живой души. Телевизор есть, радио – тоже. Телефон, чтобы с дочкой поговорить, под рукой.

– А если вдруг потребуются чего?

– А лыжи на что? – удивился сторож. – Встал да пошел.

– Да-а-а, завидую я тебе, – вздохнул Стас. – Сам бы с удовольствием перебрался в деревню – домик у меня там, и жил бы на свежем воздухе, да служба не позволяет. А теперь давай по делу, меня на обратном пути забрать должны, не хотелось бы их задерживать. О том, что здесь в выгребной яме у Трофимыча нашли, знаешь?

– А то! – воскликнул сторож. – Тут и Ильич приезжал, и полиции потом полно было. Так я им рассказал, что как осенью Трофимыч яму почистил, так больше туалетом никто и не пользовался. Вдова его всю зиму, правда, сюда с покупателями шастала, но не думаю, чтобы кто-то из них захотел себе задницу морозить. А по весне председатель мне сказал, что продала она таки дачу Егорычу, как он и хотел!

– А он сюда приезжал?

– А то! Он же столько лет сюда на своей машине ездил!

– Нет, после того, как купил, – пояснил Стас.

– А чего он тут не видал? – удивился сторож. – Он тут и так все и всех наперечет знает. Да и не мальчик он уже был, чтобы в такую даль трястись! В городе все оформили.

– Так, может, сын его приезжал?

– А Ильичу-то что тут делать? Он ведь жить здесь не собирался. Председатель мне сказал, что они это... – сторож пощелкал пальцами. – Во! Вложение денег! Он тут с покупателем появился, чтобы не соврать, с месяц назад – я же им шлагбаум поднимал.

– А другой дороги сюда нет?

– Теперь нет. Уже лет пять как. Вру! – поправился сторож. – Побольше даже. Как новые русские себе коттеджный поселок вон там, – показал он рукой куда-то налево, – строить начали, так ту дорогу и перекрыли! Да, откровенно говоря, ею и не пользовался почти никто, так что шуму не было. Сам посуди, чтобы по той дороге сюда попасть, надо крюк километров в десять делать. Да и сама она слова доброго не стоила: колдобина на колдобине, на легковушке – хрен проедешь! А уж петляла, как пьяная!

– погоди! – остановил его Крячко. – Получается, она упиралась как раз в те три дачи, что Егорыч купил? – Сторож согласно кивнул. – А он мне говорил, что новый хозяин собирается новую дорогу прямо до трассы проложить.

– Ну, если средства позволяют, чего ж не проложить. Только старая-то напрямки была, а эта новая, если от Тамаркиного участка вести, аккуратно налево пойдет. Да там недалеко, километров пять или шесть. Пovyрубать деревья, конечно, придется, но в том месте редколесье, сам-то лес дальше начинается.

– А когда Трофимыч кирпичный туалет поставил?

– Дай подумать. – Сторож помолчал, а потом сказал: – По весне 2001-го! Я помню, скандал еще большой был, когда сюда все эти железобетонные штуки привезли. Яму-то он сам копал и дно сам бетонировал – прижимистый был мужик, из себя жилы рвал, нет, чтобы кого-нибудь нанять. А вот как кольца с плитой привезли, да еще и кран пригнали, чтобы все это опустить, тут-то крик и поднялся – дорогу-то поуродовали, да и кран, как разворачивался, ветки с деревьев посшибал. А Трофимычу все как с гуся вода.

– Так, более-менее я все понял, а теперь давай обобщим. Я буду говорить, а ты перебивай меня только в том случае, если я ошибусь, – предложил Стас, и сторож кивнул. – Значит, с конца октября по апрель здесь никто не бывает. Вагончик твой стоит с этой стороны, а с той, где бывшая дорога в поселок вела, никого и ничего нет, потому что той дорогой практически не пользовались. Перекрыли эту дорогу шесть лет назад. А теперь скажи мне, если бы в безлюдный период, когда здесь только ты один, по той старой дороге, когда она еще существовала, в поселок машина въехала, ты бы услышал?

Сторож тяжело задумался, а потом помотал головой:

– Мог не услышать, особенно если телевизор работал. Тут ведь вот какое дело. Не ездит же в это время никто. Трофимыча вдова, когда покупателей сюда возила, меня всегда по сотовому предупреждала, что приедет, чтобы я на месте был, а то ведь мог и на охоту уйти – тут зайцев много, и лисы попадают. Да и в конце или начале сезона, когда сюда мало кто ездит, меня всегда по телефону предупреждают.

– А ты поселок часто обходишь?

– Это ты к тому, что я мог следы машины заметить? Честно тебе скажу: практически не обхожу. Вот посуди сам. К нам кроме как по этой дороге не добраться. От станции электрички сюда в сезон, то есть с начала мая и где-то до середины октября, ходят и автобус два раза в день, утром и вечером, а в остальное время – только пешком, а это четыре километра. Через лес? Поверь мне на слово, потому что я его уже весь вдоль и поперек исходил, на машине там не проехать, да и не занимался им уже давно никто толком, так что бурелома навалом, пройти сложно. Деревень поблизости нет, то есть местные по домам не шарят. По первости случались бомжи, так я зарядил двустволку солью и так их шуганул, что больше про них и не слышал никто. Спрашивается, чего ноги бить?

– Значит, у нас остается только та старая дорога, по которой все-таки хоть и с трудом, но можно было проехать, – попытожил Стас. – Ты сказал, ее шесть лет назад перекрыли?

– Ну, раз у нас пошел такой разговор, то я тебе сейчас точно скажу. – Сторож уставился в стену, стал что-то прикидывать в уме, загибая пальцы, а потом уверенно заявил: – Это было весной 2006-го! Только-только снег сошел. Они туда стройматериалы завезли, все это огородили, чтобы не растащили, вот тогда-то дорогу и перекрыли.

Крячко, который уже начал волноваться, потому что, по его прикидкам, машины должны были уже давно вернуться, поднялся.

– Ну, спасибо, брат! Выручил ты меня! Теперь подскажи, где эти чертовы участки находятся – пойду посмотрю, как там дела обстоят.

Сторож вышел вместе с ним из вагончика и показал, куда надо идти, но Стас и шагу сделать не успел, как на дороге показались машины: первым шел джип, за ним – «Нива», а замыкал колонну кунг. Сев в притормозившую «Ниву», Крячко, едва взглянув в лицо Гурова, сразу же понял, что в целях собственной безопасности ему лучше молчать, пока Лева не придет в себя – лицо Гурова было белой каменной маской, даже желваки не играли, он даже не моргал,

уоставившись куда-то вперед. Стас сидел тихонько, как мышка, и смотрел в окно, а в голове у Льва тем временем вставали картины только что пережитого им позора.

Когда машины только-только подъехали к этим чертовым участкам, трое таджиков тут же подбежали и преданно устались на Сидоркина в ожидании указаний. Когда тот заговорил по-русски, они в первый момент растерялись, но тут подключился переводчик, и дело пошло как по маслу.

– Доброе утро, – начал Михаил. – Я буду говорить по-русски, чтобы меня понимали не только вы, но и остальные. Вы все знаете, что здесь нашли. Вот этот господин из полиции, – показал он на Гурова, – будет задавать вам об этом вопросы, а вы должны будете на них правдиво отвечать. Ваши ответы будет переводить на русский язык вот этот человек, – повернулся он к переводчику. – Чтобы вас никто не обидел, на допросе будет присутствовать представитель вашего посольства в России. – Тут Сидоркин чуть поклонился в сторону дипломата, а вот таджики сначала обалдели от его слов, но, быстро оправившись, начали кланяться тому, как заведенные. – А вот этот господин – мой адвокат. Он также будет присутствовать на допросе и проследит за тем, чтобы господин из полиции не заставил вас наговорить обо мне много плохого. Вы меня поняли?

Работяги кивнули ему, а потом, как один, повернулись к Гурову, и их глаза горели такой лютой, испепеляющей, неистовой ненавистью, что даже много чего повидавшему на свете Льву стало не по себе.

– Сейчас вы трое сядете в машину, – показал на кунг Сидоркин, – и мы поедем в Фомичевск. Там в районном управлении полиции вас допросят. Потом вы должны будете подписать протокол, составленный на таджикском языке. Ясно?

Работяги согласно закивали головами, но вид при этом у них был настолько испуганный, что Гурову стало стыдно, у него даже уши заполыхали. Он вспомнил, как мужики из Новоленска бросились спасать своих китайцев, как губернатор крыл их последними словами за то, что они не смогли обеспечить безопасность людей, вручивших им свои судьбы, вспомнил и самих китайцев, несчастных, измученных и насмерть перепуганных, когда он и остальные освободили их из рабства. «Господи! – мысленно взвыл он. – Да в какую же сволочь я превратился! Когда? Как? Чем я лучше тех бандитов, которые держали китайцев в рабстве?» И, прекрасно отдавая себе отчет о всех возможных последствиях, заявил:

– Не надо никуда ехать! Я вполне могу побеседовать с вашими рабочими на месте. А протокол будет составлен только в том случае, если в этом возникнет необходимость, то есть будут выявлены ранее неизвестные факты.

Никто из присутствующих ему на это ничего не сказал, а ведь могли бы! Кто-то мог фыркнуть: зачем же мы вообще в такую даль перлись? Дипломат мог сказать, что считает подобное поведение Льва настоящим издевательством над ним. Да и переводчик не смолчал бы, а уж адвокат не преминул бы высказаться по полной программе. Но все молчали, только вот легче Гурову от этого не стало. Он взял себя в руки и стал задавать ясные, четкие вопросы по существу. Ответы же ничем не отличались от того, что он уже знал.

Да, этих троих привезли сюда, чтобы они разобрали все строения на трех участках, спилили и выкорчевали деревья. Они пошли от леса, где стояла их бытовка, то есть начали с самой легкой работы и уже закончили ее, остались только этот кирпичный дом и туалет. Да, у них была связка ключей, вот она, но в дом они даже еще не заходили, да и остальными ключами не пользовались, а отперли только туалет. Да, увидев останки, один из них позвонил хозяину, и тот приказал ничего не трогать до его приезда, а когда приехал и увидел, что все правда, вызвал полицию. А потом полицейские предложили им за деньги спуститься в яму, чтобы достать оттуда останки. И они все сделали. Полицейские уехали, а они стали работать дальше, вот, туалет уже разобрали, а плиту не трогали, потому что тяжелая очень, но хозяин обещал

прислать специальную машину, которая все это уберет, а пока они начали дом разбирать и уже крышу сняли.

– У меня все, – сказал Лев. – Никакого протокола составлять не будем.

– Значит, мы можем возвращаться в Фомичевск? – уточнил Сидоркин.

Сил на то, чтобы разговаривать с ним, у Гурова уже не осталось, и он просто кивнул.

– Тогда прошу всех занять места в машинах, – предложил Михаил.

Тут к нему бросился самый молодой из таджиков и начал что-то быстро говорить. Лев пулей метнулся к переводчику и жестко потребовал:

– Что он сказал?

– Вы уверены, что хотите это услышать? – поинтересовался тот.

– Мне это необходимо! Ну! – прикрикнул на него Лев.

Переводчик пожал плечами и сказал:

– Перевожу дословно: «Хозяин! Это очень плохой человек, потому что несчастный. Но он сам в этом виноват и знает об этом. Поэтому он весь мир ненавидит и всех людей. Остерегайтесь его, хозяин». Вы довольны?

– Всегда интересно знать мнение стороннего человека о себе, даже если оно неверное, – сквозь зубы процедил Лев.

Он направился к машине, но по дороге его остановил дипломат:

– Господин полковник! Как я теперь понимаю, ваш вчерашний демарш был вызван единственно желанием как-то потешить свое ущемленное самолюбие. А вы предварительно просчитали последствия столь опрометчивого шага как для себя, так и для остальных?

– Послушайте! Вам нужны мои официальные извинения? Я готов их принести и в устной, и в письменной форме, – из последних сил выдавил из себя Гуров.

– Вы не являетесь лицом, уполномоченным на такие действия, – отрезал тот.

– Хорошо! Делайте что хотите, – устало проговорил Лев. – Прошу только об одном: никого больше не трогайте! Это была моя личная инициатива! Я один во всем виноват, а значит, один и должен отвечать! Мое руководство ни о чем не знало, я ему ни о чем не докладывал, так что хоть его-то не мордуйте! А я могу и в отставку уйти, потому что выслуги – выше крыши! А уволят по статье, так я все равно не пропаду – частным сыском займусь!

Тут он поднял глаза на дипломата и увидел на лице того не торжествующую ухмылку, а сочувствие.

– А ты, Гуров, здорово постарел! Вон уже и голова вся седая! Нервишки пошаливают, память подводит. А вот характер как был дерьмовый, так и остался.

От неожиданности Лев уставился на него и тут, словно стерев влажной губкой с его лица морщины, увидел другого человека.

– Сейчас-сейчас! – напрягся он, судорожно роясь в памяти. – Дело о нападении на инкассаторов... 1986 год... Джафар... Джафар... Сейчас! Фамилия у тебя еще такая длинная... Мусангалиев! Ты тогда старшим лейтенантом был!

– Все правильно, Гуров! – кивнул тот.

– Так что ж ты сразу не сказал? – возмутился Лев.

– Хотел посмотреть, каким ты стал, – просто объяснил Джафар.

– Ну и каким? – спросил Гуров, но дипломат в ответ просто пожал плечами – впрочем, развернутого ответа и не требовалось, Лев и сам знал, во что превратился. – Слушай, Джафар! – просительно сказал он. – Я не знаю, какое положение ты занимаешь в посольстве, но очень тебя прошу! Хрен с ним, со мной, что заслужил, то получи! Главное, чтобы Орлова не трогали! Он-то ни с какой стороны ни в чем не виноват!

– Сделаю что смогу, но на многое не надейся – если машина уже закрутилась, ее не остановишь. Но какого черта ты вообще эту волну погнал?! – яростно прошептал Джафар.

– Так ты же сам сказал, что у меня характер дерьмовый, – криво усмехнулся Гуров и пошел к «Ниве».

Теперь Лев ехал в Фомичевск и по дороге переживал все перипетии этого, еще далеко не закончившегося дня. Нужно было позвонить Орлову, но он никак не мог себя заставить, поэтому нагло врал самому себе, что, раз нет результата, нечего и начальство беспокоить, хотя на самом деле просто боялся. Сейчас-то, когда все осталось позади, он мог признаться себе, что взъелся на Михаила именно из-за его непробиваемого спокойствия и хладнокровия, хотя, по сути, тот ничем не отличался от новоленских мужиков. Но те были ближе по возрасту, попроще и поэтому понятнее, а Сидоркин, видимо, чтобы соответствовать занимаемому им очень значительному для района положению, решил для солидности избрать себе именно такую манеру поведения. Умом Лев понимал, что нужно было бы перед ним извиниться, но разве он мог себя пересилить?

Когда машины остановились перед райуправлением, Джафар, словно и не было у него со Львом никакого разговора, сухо со всеми попрощался и уехал, следом за ним тронулся и автомобиль переводчика. Только сейчас сообразив, что его услуги придется оплачивать из скудного бюджета районной полиции, Гуров решил, что он сам заплатит. Раз заварил всю эту кашу. Сидоркин и адвокат, корректно откланявшись, уехали на джипе. Лев повернулся к Стасу, но не успел и слова сказать, как тот заявил:

– А схожу-ка я в детдом, узнаю, что это за история такая была. Кстати, временные рамки резко сузились: потерпевших туда подбросили самое позднее – зимой 2006-го, потому что весной, как только снег сошел, вторая, но очень плохая дорога, которая вела к дачам, была закрыта в связи со строительством коттеджного поселка. А мимо сторожа никто незнакомый проехать не может. Я пошел.

Гуров, поняв, что Крячко, видевший его состояние, просто не хочет маячить у него перед глазами, только махнул рукой, а того уже и след простыл. Лев пошел к Косареву и, предвосхищая все вопросы, сказал:

– Показания свидетелей ничего нового не дали. Теперь вот что, вам переводчик счет за работу выставил?

– Михаил Ильич его уже оплатил, – успокоил его майор. – О вашем переезде...

– Не надо, – поморщился Лев. – Я уже понял, что прошла команда и никто в этом городе нам комнату не сдаст. Нет, Стас, если хочет, может съезжать, а я в гостинице поживу. Меня интересуют заявления о пропавших за период с осени 2003-го до весны 2006 года. Что-то уже нашли?

До неприличия обрадовавшись, что Гуров сам закрыл вопрос с переездом, Андрей Федорович показал ему на стопку дел:

– Вот, пока только это, но и участковые, и в райотделах всю работу, так что к вечеру еще привезут. А вещи ваши вот, – показал он на сумки.

– Попозже заберу, – пообещал Лев и, взглянув на стопку, не выдержал и воскликнул: – Да черт побери! Я вам что, проверяющий, что ли? Вы думаете, я не знаю, как такие заявления у вас хранятся? Да в одной кипе лежат! А тут вдруг на каждое заявление розыскное дело завели! Только заявления давние, а папки новые! Хоть бы их пожалели! В общем, скажите своим, чтобы не выпендривались, а тащили все как есть!

Он вышел, а Косарев, чертыхнувшись от души на то, что его балбесов жизнь ничему не научила, да и сам он лопухнулся, позвонил подчиненным и сказал, чтобы действительно не выделялись, а несли все что накопилось, и поскорее.

Пока Лев разбирался с делами, Крячко уже нашел не только детдом, но и очень говорливую собеседницу-старушку, которая всю жизнь проработала там кастеляншей. Такой источник информации, который собирает все сплетни со времен незапамятных, был воистину бесценным.

– Бывший директор-то? С орденами? – переспросила старушка. – Так это Зотов Олег Павлович. У нас его здесь все Палычем звали, за глаза, конечно. Он как с армии ушел, так немного спустя сюда устроился – им с женой детишек Бог не дал, вот они и решили хоть так к ним поближе быть. Жена его, Лизонька, врачом здесь была, а он, стало быть, директором. Он не то чтобы злой был, но уж очень жесткий. Требовал, чтобы все было, как в армии, чтобы дисциплина такая же. А дети – они ведь дети и есть. А наши, кто без родителей растет, особенно. Может, в душе он и добрый, а вот виду никогда не показывал, но детишек любил, это сразу видно было. Лизоньке здесь ох и тяжело приходилось – городская же! А у нас что?

– А что? Двухэтажный дом, капитальный, крепкий... – начал было Стас, но старушка тут же замахала на него руками.

– Да что ей толку с того капитального? Жили-то они в городе. А удобства где? На дворе! Вода из крана есть, а слив? Помои-то на улицу таскать надо! А стирать? Это сколько же надо воды нагреть! А она ко всему этому непривычная! Ну, белье-то постельное я у нее потихоньку брала, да к общему подкладывала – мы же в прачечную сдаем, все ей облегчение. А остальное?

– Ну, здесь-то у вас наверняка и душевая, и туалет внутри – не на улицу же детей гонять, – возразил Крячко.

– Вот тут-то она и мылась потихоньку от мужа – ему же дисциплина важнее всего! Как же так? Его жена будет привилегиями пользоваться!

– Да, суровый был человек, – покачал головой Стас.

– И не говори! И на язык невоздержанный! Скажет, бывало, а потом небось сам сто раз пожалеет, а виду не показывает! Резкий он был, вот! – подобрала она нужное слово.

– Ох, как мне все это знакомо, – рассмеялся Крячко, подумавший в этот миг о Гурове. – А отомстить ему никто не пытался?

– Нет, а ведь следовало бы. Однажды так человека опозорил, да еще перед сыном, что даже мне вспоминать неудобно, – начала она и осеклась, но тут же быстро добавила: – Да и других тоже!

– Знаете, если бы кто-нибудь меня перед сыном опозорил, я бы ему морду набил! – заявил Стас.

– Да стал бы Егорыч с ним, калекой, связываться! Только себя позорить! У Палыча же левой ноги до колена не было – в первую чеченскую потерял! Потому и из армии ушел. У него и пенсия военная была, и инвалидность!

– Так это он Илью Егоровича перед Михаилом опозорил? – воскликнул Стас.

Поняв, что проболталась, старушка отвернулась и засопела.

– Ну, мне-то можно сказать, – начал уговаривать ее Крячко. – Я вчера у Ильи Егоровича дома в гостях был, очень душевно мы с ним посидели, за жизнь поговорили. И с сыном его я знаком. Ну, чего страшного случится, если вы мне расскажете? Все уже быльем поросло!

Кастелянша колебалась: с одной стороны, и поделиться хочется, а с другой стороны, Егорыч не тот человек, с которым можно шутки шутить.

– Честное слово, я никому ни звука, ни ползвучка, – торжественно сказал Стас.

– Ну, ладно, – согласилась наконец старушка и начала еле слышным шепотом рассказывать: – Удобства-то у нас тут и правда все в доме, и канализация есть, только уходит-то все в выгребную яму. А это ведь и из туалета, и из душевых, и с кухни! Представляешь, сколько получается? Так что чистить ее надо постоянно. А случилось это в году, чтобы не соврать, 1999-м, то ли в мае, то ли уже в июне. Окна, сам понимаешь, настезь. Егорыч-то хоть и дело тогда уже свое создал, но по-прежнему работал. Далеко, правда, уже не ездил, по городу больше. Вот и приехал он в тот день да с сыном, а тот ему всегда во всем помогал, вот и вырос таким, что ни в чем отцу не уступает! А Палыч-то как раз двоечников у себя в кабинете собрал и ну их песочить! Что, мол, учиться надо! Тут-то он Егорыча и увидел. Подтащил мальчишек к окну, на него показывает и говорит, что это, мол, их будущее! Что этот человек, Егорыч то

есть, никогда ничему не учился, вот и приходится ему в дерьме возиться, а если бы учился, мог бы стать инженером или врачом. И сын его, видимо, тоже ничему учиться не хочет, вот и станет тоже выгребные ямы чистить.

– Ну, за такое я бы точно морду набил! – сквозь зубы процедил Стас.

– Вот тебе истинный святой крест, – перекрестилась старушка, – все от первого до последнего слова сама слышала. Егорыч только посмотрел на него и отвернулся, а Мишка чернее тучи стал и крикнул: «Еще посмотрим, что из кого выйдет!»

– Так это, наверное, Егорыч и поспособствовал тому, чтобы он отсюда уехал? – предположил Крячко.

– Да никто Палыча не выживал! – отмахнулась она. – Сам понял, что не его это – с детьми работать. У нас же... Господи, в каком же году это было? А в 2004-м, в конце сентября, восемь мальчишек отсюда сбежали – видать, муштры не выдержали. Побольше месяца где-то болтались, а потом вернулись – куда им в зиму деваться-то? Больные все были, страшно вспомнить. Лизонька-то над ними ночей не спала, выхаживала, да и все мы ей помогали. Вот после того случая Палыч заявление и написал! Как детишки выздоровели, так они и уехали, а уж где они сейчас, не знаю. Лизоньку вот часто вспоминаю – светлая она была девочка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.